

отпечаток испытания и травмы, пережитые писателем в детстве, а также стремление отобразить собственный опыт с учетом нового мироощущения, формировавшегося в 1980 – 1990-х гг. и отразившегося во всей позднесоветской и последующей литературе.

Литература

1. Адамович, А. Война и деревня в современной литературе / А. Адамович. – Минск : Наука и техника, 1982. – 199 с.
2. Сачанка, Б. Выбранные творы : у 3 т. / Б. Сачанка. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1995. – Т. 3 : Аповесці. – 511 с.
3. Сачанка, Б. Пад сузор'ем сярпа і молата : аповесці, апавяданні, запісы розных гадоў / Б. Сачанка. – Мінск : Кнігазбор, 2016. – 548 с.

T.R. Bogoradova

Polotsk State University named after Euphrosyne of Polotsk
e-mail: bogoradova 1974@yandex.ru

The main motives of the military story in B. Sachenko's creative legacy of the 1980–1990 s.

Key words: veteran writers, autobiography, existential situation, psychologism, rethinking.

The article examines the work of B. Sachenko from the 1980–1990 s, which needs to be rethought and studied in more detail. In the XXI century, there was a need to generalize, systematize and continue what was done by writers and research scientists in understanding Belarusian prose on the topic of the Great Patriotic war from the standpoint of modernity. Against the background of the literary heritage of the soviet period, the prose of russian writers, created in the 1980–1990 s in the genre of a military story, is insufficiently studied.

Н.Ю. Букарева, Н.И. Марков

Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского
e-mail: bukarevanu@mail.ru; markovgromov@inbox.ru

УДК 821.161.1

ПРИТЧА И СКАЗКА В СТРУКТУРЕ РОМАНА Н.Ю. АБГАРЯН «С НЕБА УПАЛИ ТРИ ЯБЛОКА»

Ключевые слова: современная русская литература, жанр, жанровый синтез, роман, сказка, притча.

В статье рассматривается жанровый синтез в романе Н. Абгарян; выявлены элементы притчи (назидательный характер событий, наличие

народной мудрости, ситуаций нравственного выбора), и сказки (числовая символика, наличие категории чуда, волшебных предметов и помощников, сакрализация места событий); показано, как в процессе синтеза происходит трансформация некоторых устойчивых черт этих жанров.

Категория «жанра» в литературоведении – одна из фундаментальных в системе теоретического материала по художественному слову. Значимость её очевидна и неоспорима, поскольку без внимания к жанровой специфике произведения его анализ теряет всякий смысл. Сущность «жанра» комментирует Н. Д. Тмарченко: «Жанр – тип словесно-художественного произведения как целого, а именно: 1) реально существующая в истории национальной литературы или ряда литератур и обозначенная тем или иным традиционным термином разновидность произведений (эпопея, роман, повесть, новелла и т. п. в эпике; комедия, трагедия и др. в области драмы; ода, элегия, баллада и пр. – в лирике); 2) идеальный тип или логически сконструированная модель конкретного литературного произведения, которые могут быть рассмотрены в качестве его инварианта» [5, с. 69].

Стоит отметить, что в определённый момент развития словесности незыблемость и авторитет жанровых законов отходят на второй план. Начинают появляться произведения, реализующие систему признаков не одного жанрового типа, а в сочетании с характерными чертами другого. Это явление получило название «жанрового синтеза». По мнению Б. П. Иванюка, «жанровый синтез – понятие, отражающее общую тенденцию жанров к взаимообогащению и объединению. Как центроостремительная по своему характеру тенденция, она развивается наряду с другой, центробежной, а именно жанровой дифференциацией» [4, с. 115]. Таким образом, литературная традиция не исключает возможности смешивать элементы разных жанров для реализации определенных творческих задач.

Произведения, построенные по принципу соединения жанров, при анализе вызывают множество разногласий и споров, особенно в вопросе их итоговой жанровой номинации. Сплетение различных жанровых характеристик формирует новый, ранее не существующий тип, поэтому на примере феномена синтеза представляется возможным показать функционирование жанровых канонов, выходящее за рамки классической теории системы жанров.

В литературном процессе конца XX – начала XXI вв. явление жанрового синтеза проявляется очень активно. В этом плане проза Наринэ Абгарян отвечает означенной тенденции современной словесности. Не является исключением произведение этого автора «С неба упали три яблока» (2015), в котором наблюдается синтез разных жанров.

Традиционно данный текст относят к жанру романа, и именно романная структура делает произведение открытым для синтеза с другими жанрами. Связано это с самой природой романа, «единственного становящегося и еще неготового жанра», как отмечал в свое время еще М. М. Бахтин [2, с. 447].

В романе Абгарян, в первую очередь, очевидны признаки такого жанра, как притча. Притчевый тон произведения Абгарян, задаётся, во-первых, обилием мудростей из уст героев, своеобразной манерой их речи, свойственной людям «родовых» поселений, каким является место действия романа – деревня Маран. «С содержательной стороны притча отличается тяготением к глубинной «премудрости» религиозного или моралистического порядка», – писал С. С. Аверинцев [2, с. 20]. Произведение изобилует назидательными сентенциями, раскрывающими особенности менталитета маранцев. Такие изречения заложены в рассказы героев, их советы и оценки: «Нет ничего разрушительнее безделья, – любил повторять отец. – Безделье и праздность лишают жизнь смысла»; «Если Бог хочет наказать человека, первым делом отбирает у него ум, – качал головой Ованес, затаиваясь горьким табачным дымом» [1, с. 36]. Подобные суждения дают моральную оценку поступков людей, их образа жизни и соблюдения религиозных заповедей.

Во-вторых, притчевое начало проявляется и на уровне сюжета произведения, так как многие эпизоды имеют назидательный характер. С помощью подобных историй, произошедших с героями, утверждается определенная мораль, что также характерно для притч. По структуре такие эпизоды не являются самостоятельными, выделенными элементами, они включены в общий контекст произведения. Например, фрагмент притчевого характера есть уже в первой главе романа: это история заключения брака родителей Анатолии, Воске и Капитона. Мать героини выдали замуж за человека, суженного судьбой изначально не ей, а её внезапно умершей старшей сестре, Татевик. Результатом такого неуважения к памяти покойной становится родовое проклятие, оберегом от которого являются длинные волосы Воске. Однако несчастный случай лишает Воске её оберега, и женщина умирает, оставив мужа вдовцом, а трёх дочерей без матери. После её смерти мир покинут двое из троих детей, а за ними уйдёт и глава семейства, Капитон. Эта часть прошлого семьи Севоянц рассказана явно в назидание другим: не бери чужого никогда.

Поступки героев этой истории соответствуют персонажам притчи, которые всегда должны сделать этический выбор, предопределяющий исход сюжета. «Действующие лица притчи, как правило, не имеют не только внешних черт, но и «характера» в смысле замкнутой комбинации душевных свойств: они предстают перед нами не как объекты художественного наблюдения, но как субъекты этического выбора. Речь идет о подыскании ответа к заданной задаче (поэтому притча часто перебивается обращенным

к слушателю или читателю вопросом: «как, по-твоему, должен поступить такой-то?»» [2, с. 21]. В рассматриваемом эпизоде семейство невесты принимает решение выдать замуж вторую дочь только потому, что к свадьбе все готово и им жаль затраченных на торжество денег и усилий. Своим решением они оскорбляют честь усопшей старшей дочери. Драматизируется ситуация выбора в романе тем, что его совершает не Воске, а ее родственники, так как в условиях жесткого патриархата, где женщина бесправна, ее мнения никто не спрашивает. Воске лишь покорно следует воле отца и принимает ситуацию замужества. Но при этом расплачивается за выбор родственников именно она и ее дети. Фактически, на трагический конец героиню обрекают близкие люди, не осознавая, что своим выбором возлагают на её душу грех. Отметим при этом, что романное начало здесь влияет на описание персонажей: они, в отличие от «классической» притчи, имеют и «характер», и «душевные свойства», становятся «объектами художественного наблюдения», чего нет в притче как таковой, по приведенной выше характеристике С. Аверинцева. Так происходит собственно синтез жанров, а не формальное включение элементов притчи в роман.

Помимо черт притчи, в романе Абгарян присутствуют элементы сказки. Наличие сказочного начала в романе «С неба упали три яблока» о жизни жителей деревни Маран, скрытой от людской суеты в горах, не становится чем-то неожиданным. В контексте данного произведения сказочные элементы особенно уместны, поскольку передают колорит деревенской жизни и специфику мифологического восприятия окружающей среды глазами героев, как будто отгороженных от всего мира.

В романе Абгарян элементы сказки вводятся разными способами. Во-первых, наличествует феномен «чуда» – самый очевидный компонент сказочного в тексте романа. По ходу сюжета появляется три чуда: первое – дар Акопа, второе – появление грудного молока у Настасьи, третье – рождение дочери у Анатолии и Василия. Очевидна в данном случае и численная символика: цифра три часто фигурирует в фольклоре, при этом каждое из чисел в устном народном творчестве всегда несёт смысловую нагрузку и является элементом сюжета и композиции: «Три – первое настоящее число, которое имеет начало, конец и середину»; символ завершённости и полноты [7]. В этом смысле чудеса перекликаются с композиционным делением романа (3 части – 3 чуда), а также с названием, в котором вновь задействовано «три». Это дает возможность предположить, что «три яблока» и есть три чуда, случившиеся в деревне Маран в разное время. Таким образом, функциональность цифры три в романе «С неба упали три яблока» «сказочна».

Маран настолько уникален, что возникновение чуда не удивляет его обитателей, а воспринимается как что-то понятное и очевидное, как естественное, которое поразило бы больше тем, что не случилось в этом месте: «Настасья поймала себя на мысли, что при других обстоятельствах

и в другом месте она бы сочла возвращение молока чудом. Но в Маране она отнеслась к этому как к чему-то само собой разумеющемуся» [1, с. 83]. Примечательно, что чудеса обращены к трем разным поколениям, то есть их получают люди разных возрастных групп: мальчик Акоп; молодая женщина Настасья; взрослые Анатолия и Василий.

Во-вторых, сказочное начало в романе выражено наличием «волшебного пространства». Маран характеризуется как особый, сакральный уголок земли, где законы привычной жизни будто бы не действуют и «преклоняются» перед необъяснимой силой: «Библиотека со временем стала напоминать Вавилон для живности»; «Розы цвели невпопад и пахли так, что приманивали своим ароматом пчёл...». Созданию образа волшебного места помогает территориальное расположение деревни: «Н. Абгарян не дает четких географических координат места жизни героев. Читателю известно лишь, что действие происходит на территории современной Армении: это горная деревушка Маран и долина под ней, которая не имеет названия. У событий нет определенных временных рамок. Это может свидетельствовать о принадлежности хронотопа романа именно к мифологическому, так как временные границы оказываются стертыми...» [4, с. 11]. Маран был скрыт от людского глаза высоко в горах, что делает пространство, в котором происходят действия романа, закрытым, недостижимым. Одним из примеров такой недоступности является случай, когда карета скорой помощи с Анатолией и её дочкой не смогла добраться до деревни из-за непогоды. При этом телега, посланная в больницу местными жителями, привезла всё семейство Севоянц-Кудаманц домой. Мифологичность пространства реализуют чудеса, которые происходят в деревне. Создаётся ощущение всесильности места, где происходят события.

В-третьих, сказочность в романе обусловлена наличием волшебных предметов, чудесных помощников, которые призваны оберегать и направлять героев. В романе таких предметов и помощников много, поскольку для каждого героя сакральное индивидуально. Об этом Воске Севоянц сообщает шаман, приглашенный на её свадьбу в качестве «гадалки». В данном эпизоде появляется один из волшебных предметов – ноготь мизинца. Старик убеждён, что ноготь – это его амулет от сглаза, отпугивающий всё дурное: «У каждого человека свой оберег. У меня, – тут он помахал перед носом Воске правой рукой, – ноготь мизинца» [1, с. 8]. Еще один волшебный «предмет», о котором мы упоминали выше, – длинные медные волосы Воске, выполняющие функцию оберега. Отметим, что в сказке волшебный предмет всегда выполняет предназначенную ему функцию, в романе же эта закономерность не обязательна. Так, волосы не спасли героиню: она «...затопила баню, выкупала дочерей, уложила в постель, а на то время, пока возилась с ними, закрыла заслонку печной трубы, чтобы задерживать жар. Запомнявала потом ее открыть и угорела насмерть» [1, с. 34]. В романе на утрату волшебного предмета влияют обыденные жизненные

причины, что показывает, как в тексте проявляется синтез жанров: сказочный элемент трансформируется под влиянием «романных» (реалистических) обстоятельств.

Кроме того, проявление сказочного наблюдается и в обретении героями необычных качеств. Мальчик Акоп замечает в себе нечеловеческий дар: он видит чужую смерть или, как про это говорит его старший брат, «ангелов смерти». В сказках наличие волшебных способностей у героев не претендует на реалистичность и, как правило, ничем не мотивируется. В романе Абгарян появление дара у Акопа тоже не получает мотивировки. Однако, в отличие от фольклорных текстов, наличие волшебного дара требует от героя романа платы: взамен каждого видения ребёнок отдавал часть собственной жизненной энергии, что приводило к припадкам, хвори. Так сказочный элемент в романе получается амбивалентную оценку: это дар или проклятье? Видится наличие в этой истории и притчевого элемента – морали: утверждение, что ничего в жизни не даётся просто так.

Таким образом, можно сделать вывод: роман Наринэ Абгарян сочетает в себе признаки притчи и сказки. Основа притчевого начала романа «С неба упали три яблока» опирается на моралистический тон произведения, реализуемый посредством использования в тексте мудрых суждений, в основу которых легли случаи из жизни героев Абгарян, требующие от маранцев совершения выбора. Сказочное начало реализовано через включение в текст произведения волшебных помощников, создание сказочного пространства, в котором происходят чудеса (явление чуда). Герои романа наделяются несвойственными для реалистической картины мира магическими способностями: дар ясновидения или общения с мертвыми. Соединение признаков нескольких жанров в рамках одного произведения позволяет говорить о жанровом синтетизме, широко распространённом в современной литературе, чем произведение Наринэ Абгарян вписывается в общий контекст актуальных жанровых исканий.

Литература

1. Абгарян, Н.Ю. С неба упали три яблока / Н.Ю. Абгарян. – М.: АСТ, 2016. – 320 с.
2. Аверинцев, С.С. Притча // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. – М.: Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 6: Присказка. – М.: «Советская Россия», 1971. – С. 20–21. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke6/ke6-0203.htm>. – Дата доступа: 14.03.2024.
3. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
4. Букарева, Н.Ю. Особенности хронотопа в романе Н. Абгарян «С неба упали три яблока» / Н.Ю. Букарева // Верхневолжский филологический вестник. – 2022. – № 4. – С. 8–15.
5. Иванюк, Б.П. Жанровый синтез: версия словарного описания понятия // Элар : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/49530/1/dc_2006_1_020.pdf. – Дата доступа: 14.03.2024.
6. Тamarченко, Н.Д. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Н. Д. Тamarченко. – М.: Изд-во Intrada, 2008. – 358 с.
7. Символика чисел в различных культурах мира / Нумердом [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://numerodom.ru/chislo-12-znachenie-v-numerologii.html>. – Дата доступа: 20.03.2024.

N.Yu. Bukareva, N.I. Markov

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
e-mail: bukarevanu@mail.ru; markovgromov@inbox.ru

**Parable and fairy tale in the structure of
N.Y. Abgaryan's novel "Three apples fell from the sky"**

Key words: modern Russian literature, genre, genre synthesis, novel, fairy tale, parable.

The article examines the genre synthesis in the novel by N. Abgaryan; identifies the elements of the parable (the edifying nature of events, the presence of folk wisdom, situations of moral choice), and fairy tales (numerical symbolism, the presence of the category of miracle, magical objects and assistants, the sacralization of the place of events); shows how in the process of synthesis there is a transformation of some stable features of these genres.

С.Ф. Бут-Гусаім

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна
e-mail svfbg@tut.by

УДК 808.26-541.2

**ПАЭТОНІМІКОН ДРАМАТЫЧНАЙ АПОВЕСЦІ
ГЕОРГІЯ МАРЧУКА "АЛЬГЕРД"**

Ключавыя словы: літаратурная анамастыка, онім, антрапонім, паэтонім, тапонім, бібліёнім.

У артыкуле разглядаюцца ўжытыя ў драматычнай аповесці Георгія Марчука паэтонімы, якія з'яўляюцца носьбітамі каштоўнай інфармацыі аб матэрыяльнай і духоўнай культуры беларусаў. Антрапонімы разгледжаны як значымыя інфарматыўныя адзінкі, у сямантычную структуру якіх уключаюцца прагматычны складнік, стылістычныя, эмацыйныя, ацэначныя, экспрэсіўныя, сацыяльныя адценні значэння, асацыяцыі і іншая інфармацыя экстралінгвістычнага характару. Апісаны культурна-гістарычныя канатацыі найменняў населеных пунктаў, свят, бостваў, успрынятых на фоне гістарычных асацыяцый, актуалізаваных у кантэксце твора. Асаблівая ўвага надаецца асэнсаванню ролі кантэксту ў раскрыцці сэнсавых і эмацыйна-экспрэсіўных магчымасцей паэтонімаў.

У драматычнай аповесці Георгія Марчука "Альгерд" расказваецца пра падзеі 1320–1321 гадоў. Гэта час княжання ў Віцебску славутага Альгерда і адстойвання віцязямі свабоды і незалежнасці. Ствараючы вобразы знакамітых князёў і мужных, добразычлівых, адданных радзіме гараджан, беларускі пісьменнік абапіраецца на традыцыі айчыннага іменаслову.